

Гордей Меткий

«Меня упрекали во всем, окромя погоды...»

К 75-летию со дня рождения Иосифа Бродского

Что мы знаем об этом писателе?

Иосиф Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде в еврейской семье. Отец, Александр Иванович Бродский (1903—1984), был военным фотокорреспондентом, вернулся с войны в 1948 году и поступил на работу в фотолабораторию Военно-Морского музея.

В 1950 году демобилизован, после этого работал фотографом и журналистом в нескольких ленинградских газетах. Мать, Мария Моисеевна Вольперт (1905—1983), работала бухгалтером. Раннее детство Иосифа пришлось на годы войны, блокады, послевоенной бедности и прошло без отца.

Эстетические взгляды Бродского формировались в Ленинграде 1940—1950-х годов. Неоклассическая архитектура, сильно пострадавшая во время бомбёжек, бесконечные перспективы ленинградских окраин,

вода, множественность отражений, — мотивы, связанные с этими впечатлениями его детства и юности, неизменно присутствуют в его творчестве.

В 1955 году, бросив школу, Иосиф Бродский поступает учиться на фрезеровщика, затем работает помощником патологоанатома в областной больнице, истопником в котельной, матросом на маяке.

В течение последующих трех лет Бродский был рабочим в геологических экспедициях, после чего возвращается в Ленинград. В то время он очень много и хаотично читал. В 1961 году будущий поэт знакомится с Анной Ахматовой, а спустя год – со своей первой женой Марианной Басмановой.

По собственным словам, Бродский начал писать стихи в восемнадцать лет, однако существует несколько стихотворений, датированных 1956—1957 годами. Одним из решающих толчков стало знакомство с поэзией

Бориса Слуцкого. «Пилигримы», «Памятник Пушкину», «Рождественский романс» — наиболее известные из ранних стихов Бродского.

8 января 1964 года «Вечерний Ленинград» опубликовал подборку писем читателей с требованиями наказать «тунеядца Бродского». 13 января 1964 года Бродского арестовали по обвинению в тунеядстве. 2 года Иосиф Бродский проводит в ссылке.

В октябре 1965 года Бродский по рекомендации Корнея Чуковского и Бориса Вахтина был принят в Группком переводчиков при Ленинградском отделении Союза писателей СССР, что позволило в дальнейшем избежать новых обвинений в тунеядстве.

4 июня 1972, года после преследований и гонений, Иосиф Бродский

навсегда покинул родину, увозя печатную машинку, две бутылки водки для Уистена Хью Одена и сборник стихов Джона Донна.

В этом же году эмигрировавший поэт принимает пост «приглашенного поэта» (poet-in-residence) в Мичиганском университете в Энн-Арборе, где преподает, с перерывами, до 1980 г. С этого момента закончивший в СССР неполные

8 классов средней школы Бродский ведет жизнь университетского преподавателя, занимая на протяжении последующих 24 лет профессорские должности в общей сложности в шести американских и британских университетах, в том числе в Колумбийском и в Нью-Йоркском.

В 1977 году Бродский принимает американское гражданство, в 1980 окончательно перебирается из Энн-Арбора в Нью-Йорк.

Перестройка в СССР и совпавшее с ней присуждение Бродскому Нобелевской премии прорвали плотину молчания на родине, и в скором времени публикации стихов и эссе Бродского хлынули потоком. Первая (помимо нескольких стихотворений, просочившихся в печать в 1960-х) подборка стихотворений Бродского появилась в декабрьской книжке «Нового мира» за 1987 год. До этого момента творчество поэта было известно на его родине весьма ограниченному кругу читателей благодаря спискам стихов, распространявшимся в самиздате. В 1989 году Бродский был реабилитирован по процессу 1964 года. В 1992 году в России начинает выходить 4-томное собрание сочинений.

В 1995 году Бродскому присвоено звание почётного гражданина Санкт-Петербурга.

Субботним вечером 27 января 1996 года в Нью-

Йорке Бродский готовился ехать в Саут-Хэдли и собрал в портфель рукописи и книги, чтобы завтра взять с собой. В понедельник начинался весенний семестр. Пожелав жене спокойной ночи, Бродский сказал, что ему нужно ещё поработать, и поднялся к себе в кабинет. Утром, на полу в кабинете его и обнаружила жена. Бродский был полностью одет. На письменном столе рядом с очками лежала раскрытая книга — двуязычное издание греческих эпиграмм. Сердце, по мнению медиков, остановилось внезапно — инфаркт, поэт умер в ночь на 28 января 1996 года.

В своих широко цитируемых воспоминаниях, посвященных последней воле и похоронам Бродского, поэт и переводчик Илья Кутик говорит:

«За две недели до своей смерти Бродский купил себе место в

небольшой часовне на нью-йоркском кладбище по соседству с Бродвеем (именно такой была его последняя воля). После этого он составил достаточно подробное завещание. Был также составлен список людей, которым были отправлены письма, в которых Бродский просил получателя письма дать подписку в том, что до 2020 года получатель не будет рассказывать о Бродском как о человеке и не будет обсуждать его частную жизнь; о Бродском-поэте говорить не возбранялось».

Так или иначе, воспоминаний об этом загадочном и талантливом человеке сохранилось великое множество. Большую лепту в жизнеописание Иосифа Бродского внес писатель Лев Лосев. Приводим небольшой отрывок из его книги «Иосиф Бродский» из серии ЖЗЛ.

Родина Бродского

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде, в клинике профессора Тура на Выборгской стороне. В православном календаре 24 мая празднуются дни святых Кирилла и Мефодия, создателей славянской грамоты, но выросший в ассимилированной еврейской семье поэт узнал об этом, только будучи взрослым, когда он уже и так давно связал свою судьбу с «милой кириллицей». В стихах он вспоминал порой о том, что рожден под созвездием близнецов (по представлениям астрологов, это предвещает склонность к «глубокому дуализму и гармонической двучисленности»),

но в быту чаще повторял народную поговорку: «В мае родиться — век маяться».

Петербург — самый северный из больших городов мира, Бродский всю жизнь боялся жары, летом его тянуло в северные края — с соснами, гранитом, мхом, серым небом и серой водой. Жить ему всегда хотелось в городе у большой реки или моря.

Когда началась война и отец ушел в армию, мать с годовалым сыном переехала из квартиры отца на углу Обводного канала и проспекта Газа (Старо-Петергофского) поближе к своей родне, в дом за Спасо-Преображенским собором. Когда Иосиф был уже подростком, переехали через площадь наискосок в «дом Мурузи».

Большой доходный дом, изукрашенный в «мавританском» стиле был построен по проекту архитектора А. К. Серебрякова для князя А. Д. Мурузи в 1874—1877 годах на участке, принадлежавшем Н. П. Резанову, известному в русской истории своим роковым плаванием в Калифорнию в 1803 году. С 1890 года и до революции владельцем дома был лейтенант Рейн. Бродский жил в описанных им «полтора комнатах» до отъезда из России в 1972 году, и до конца своих дней там оставались его родители. Из окна комнаты Иосиф с детства видел Спасо-Преображенский собор — сначала прямо перед окном, а после переезда в дом Мурузи, если посмотреть направо.

Выстроенный по проекту Земцова и Трезини в середине восемнадцатого века и перестроенный Стасовым в 1827—1829 годах, Спасо-Преображенский собор при советской власти оставался одним из немногих действующих храмов в Ленинграде. «Все детство я смотрел на его купола и кресты, на звонаря, на крестные ходы, на Пасхи, на заупокойные службы — сквозь окна, на факелы, на венки и жезлы центурионов, обильно украшавшие его белые стены, на легкий классический бордюр его карнизов», — вспоминал Бродский.

В садике у собора мать и дедушка учили его кататься на велосипеде. Ограда садика сделана из пушечных стволов, захваченных у турок в ходе победоносной войны 1828—1829 годов на Балканах. Стволы соединены толстыми чугунными цепями, «на которых самозабвенно раскачивались дети, наслаждаясь как опасностью свалиться на железные острия прутьев внизу, так и скрежетом.

Надо ли объяснять, что ограда казалась гораздо интереснее, чем внутренность собора с его запахом ладана и куда более статичной деятельностью. "Видишь их? — спрашивает отец, указывая на тяжелые звенья цепи. — Что они напоминают тебе?" Я второклассник, и я говорю: "Они похожи на восьмерки". — "Правильно, — говорит он. — А ты знаешь, символом чего является восьмерка?" — "Змеи?" — "Почти,

это символ бесконечности". — "Что это — бесконечность?" — "Об этом спроси лучше там", — говорит отец с усмешкой, пальцем показывая на собор». В Преображенскую площадь, на которой вырос и жил Иосиф, упирается Пантелеймоновская (Пестеля) улица. Начинается она от Фонтанки у Летнего сада, от моста с перилами, украшенными щитами Персея с ликом горгоны Медузы. В детской книжке Корней Чуковский пересказывал историю Персея. Вид Медузы с копной шевелящихся змей вместо волос был так страшен, что

люди превращались в камень, едва взглянув на нее. Но Персей был не только храбр, но и хитёр. Он заставил Медузу взглянуть на ее собственное отражение в отполированном, как зеркало, щите. Мифы читаются в детстве как сказки: интересно, весело, страшно. С возрастом человек обнаруживает, что на самом деле мифы объясняют жизнь, подсказывают, что таится под ее поверхностью. «...На одном мосту чугунный лик Горгоны казался в тех краях мне самым честным ликом», — будет вспоминать Бродский много лет спустя далеко от родного города.

К тому времени он уже будет писателем, и мотив бесстрашного зеркала, «зеркала Стендаля», станет постоянным в его стихах и прозе. К тому времени он уже будет знать, что другой петербургский поэт называл прекрасный город «болотной медузой»:

*И плоть медузы облекла
Тяжеловесная порфира.*

Но в раннем детстве все воспринимается как единственно возможный порядок вещей, и если на фасадах и перилах самого северного из больших европейских городов можно прочесть мифы Греции и Рима, то

так оно и должно быть. Также не вызывает вопросов, почему христианский храм окружен стволами смертоносных пушек.

Иосиф с мамой, 1946 г.

С отцом, 1951 г.

Если принять Преображенскую площадь за центр, то внутри круга, описываемого радиусом получасовой прогулки, оказываются Летний сад, Инженерный замок, Эрмитаж, Таврический сад. Смольный монастырь и почти все места, связанные со значительными событиями жизни Бродского — школы, где он учился, дома, где жили друзья, Дом писателей на Шпалерной, место его поэтических триумфов и источник интриг против него.

А за Литейным мостом место его первой работы, завод «Арсенал», и второй — областная больница. Там же тюрьма «Кресты», где он сидел в 1964 году. Совсем рядом с домом, в двух кварталах, внутренняя тюрьма ленинградского управления Комитета госбезопасности, где он провел два дня после второго ареста в 1962 году.

В доме на углу Пантелеймоновской и Литейного, где Бродский прожил две трети своей российской жизни, до него квартировали А. А. Пушкин, старший сын поэта, и Н. С. Лесков (в 1879 году). 3. Н. Гиппиус с Д. С. Мережковским и Д. В. Filosoфoвым жили там с 1899 до 1913 года. В квартире собиралось Религиозно-философское общество, у них часто

бывал Блок, останавливался, приезжая из Москвы, Андрей Белый. В 1919 году в этом доме помещалась литературная студия при издательстве «Всемирная литература» под руководством К. И. Чуковского, где читали лекции Н. С. Гумилев и Е. И. Замятин, а среди слушателей были молодые поэты-акмеисты и писатели, называвшие себя «серапионовыми братьями». В 1920 году студию сменил клуб «Дом поэтов» под председательством сначала Блока, а потом Гумилева. Здесь 21 октября 1920 года читал новые стихи

Мандельштам, о чем есть заинтересованная запись в дневнике Блока. Здесь же собирался и знаменитый гумилевский Цех поэтов.

Это непустовавшее «свято место» было некогда отмечено Достоевским: «Генерал Епанчин жил в собственном своем доме, несколько в стороне от Литейной, в сторону Спаса Преображения...» Там, где вскоре вырастет дом Мурузи, разворачиваются важные события романа «Идиот». Как писал поэт-символист В. А. Пяст, тоже одно время живший в доме Мурузи:

*Домов обтесанный гранит
Людских преданий не хранит.
Но в нем иные существа
Свои оставили слова.*

Бродский не придавал слишком большого значения совпадению своего места жительства с местом, столь памятным в истории русской литературы. Факты и даты из истории своего дома он знал неточно. Полагал, что в доме Мурузи снимал квартиру Блок. Он неоднократно бывал там, у Мережковских, а после революции — в студии и клубе поэтов, но не жил. «И как раз с балкона наших полутора комнат, изогнувшись гусеницей, Зинка выкрикивала оскорбления революционным матросам».

Картина выразительная, но такого быть не могло; Мережковские съехали до революции, в 1913 году, да и жили они в другой части дома.

Очевидно, он хочет выразить восторг по поводу открытия: писатель давно умер, а его персонаж, гонимый бедный Евгений, в нашем воображении жив. Для любящего этот город, петербургские дома и тома петербургской литературы — одно.

Друг без друга они лишены смысла. Только через два года Бродский прочтет по-настоящему сильные стихи на ту же тему — «Петербургские строфы» Мандельштама. К тому времени он и сам будет уже куда свободнее владеть стихом.

Бродский сравнительно поздно заинтересовался поэзией. Он начал сочинять лет в семнадцать. Ему было уже за двадцать, когда в его стихах стали проявляться признаки оригинальности, но после этого мастерство он набирал очень быстро. «Шествие», длинная поэма («мистерия»), написанная через несколько месяцев после «Петербургского романа» и тоже полная еще непроясненных юношеских волнений, представляет ту же тему значительно отчетливее — по осенним ленинградским улицам бредут князь Мышкин из Достоевского, Арлекин и Коломбина из Блока, Крысолов, скорее из Александра Грина, чем из Цветаевой.

Родители

В советской социальной структуре семья Бродских была средней, относилась к категории «служащих». Александр Иванович Бродский (1903—1984) работал фоторепортером, Мария Моисеевна Вольперт (1905—1983) — бухгалтером. Иосиф был их поздним и единственным ребенком. Видимо, дался он матери нелегко, и поэтому она рожала не в обычном роддоме, а в специализированной клинике.

Материальные условия были «как у всех». Жили тесно, втроем в шестнадцатиметровой комнате, потом в другой коммунальной квартире чуть просторнее — родители в проходной комнате побольше, сын в передней части маленькой комнаты, а сзади, за шкафом, отец проявлял и печатал свои фотографии. Комнаты были тесно заставлены старой разностильной мебелью. Одежду тоже носили старую, она постоянно

чинилась и перешивалась. Голодать семье не приходилось, но денег постоянно не хватало, заработки родителей были невелики («...дома, сколько я себя помню, не прекращались денежные раздоры»). Первые годы жизни Иосифа приходятся на время лишений — война и скудные послевоенные годы вплоть до 1948-го. Он был слишком мал, чтобы запомнить ужасы ленинградской блокады, но, как и большинство сверстников, в детстве знал только бедный, едва над уровнем голода, быт.

Родители Бродского не принадлежали к интеллигентной элите города, кругу ученых и писателей, но были не чужды культурных интересов: постоянно читали книги, слушали классическую музыку, изредка ходили в театр. Оба в детстве получили хорошее образование. Речь их была грамотна, свободна от диалектных примесей, словарь богат. Александр Иванович, сын владельца небольшой типографии в Петербурге, закончил географический факультет ленинградского университета. Мария Моисеевна родилась в Двинске (Даугавпилс в современной Латвии) в семье прибалтийского агента американской фирмы швейных машин «Зингер». Большую часть детства провела в Литве, под Шяуляем. Для прибалтийских среднебуржуазных семей было характерно двуязычие, Мария Моисеевна с детства владела немецким.

Языкам Иосифа, однако, дома не учили. Как он догадывался позднее, родители старались, по возможности, скрыть свое «буржуазное происхождение», одним из признаков которого было знание иностранных языков. Хотя сами родители Иосифа не пострадали от

сталинского террора, они были осторожны в высказываниях. Семейное предание в нормальных условиях рано входит в сознание ребенка и в значительной степени обуславливает самоопределение, но Бродскому оно досталось отрывочно. Позднее он мог лишь фантазировать по поводу своих предков в Литве и в Галиции, куда уходили его корни, судя по фамилии, происходящей от города Броды.

В шестнадцатиметровом семейном пространстве Бродскому запомнились знаки социальной мимикрии: черный гипсовый бюст Ленина на печке, в менее опасные времена уступивший место мраморному бюсту «какой-то женщины в чепце с воланами, какие часто бывают в комиссионках», и фотография Сталина над его кроватью, очевидно, призванная намекнуть случайному посетителю, в чью честь мальчику дано имя.

Первые впечатления (война)

Первые смутные воспоминания Иосифа связаны с Череповцом (Вологодская область), куда он был эвакуирован с матерью после первой блокадной зимы, 21 апреля 1942 года. «Я помню спуск в нашу полуподвальную квартирку [на ул. Ленина]. Три или четыре белых ступеньки ведут из прихожей в кухню. Я еще не успеваю спуститься, как бабушка подает мне только что испеченную булочку — птичку с

изюминкой в глазу. У нее немного подгоревшие крылышки, но где должны быть перышки, тесто светлее. Справа стол, на котором катается тесто, слева печка. Между ними и лежит путь в комнатку, где мы все жили: дедушка, бабушка, мама и я.

Моя кроватка стояла у той же стены, что и печь в кухне. Напротив — мамина кровать и над ней окошко, выходящее, как и в кухне, на улицу. Хозяев я совсем не помню. Был только их сын — Шурка, которого я из-за своей дикции звал Хунка».

С годами дефекты речи исправились, осталась только картавость, но в силу особенностей голосового аппарата произношению Бродского была свойственна назальность; если он и не произносил «н» вместо «р», как в младенчестве, то этот назальный призвук часто звучал в его речи на словоразделах, на какие бы звуки они ни приходились. Это особенно усиливалось при декламации. Н. Я. Мандельштам писала: «В формировании звука у него деятельное участие принимает нос. Такого я не замечала ни у кого на свете: ноздри вытягиваются, раздуваются, устраивают различные выкрутасы, окрашивая носовым признаком каждый гласный и каждый согласный. Это не человек, а духовой оркестр...» В эвакуации Иосиф с матерью провели всего около года. К череповецким впечатлениям, запомнившимся на всю жизнь, относятся и страшные. Мать, благодаря знанию немецкого, устроилась работать в лагерь для военнопленных. «Несколько раз она брала меня с собой в лагерь. Мы садились с мамой в переполненную лодку, и какой-то старик в плаще греб. Вода была вровень с бортами, народу было очень много. Помню, в первый раз я даже спросил: "Мама, а скоро мы будем тонуть?"

Другое страшное воспоминание связано с вокзалом в Череповце, когда пришло время возвращаться в Ленинград; «Тогда же все рвались назад, теплушки были битком набиты, хоть в Ленинград пускали по пропускам. Люди ехали на крыше, на сцепке, на всяких выступках, Я очень хорошо помню: белые облака на голубом небе над красной теплушкой, увешанной народом в выцветших желтоватых ватниках, бабы в платках. Вагон движется, а за ним, хромая, бежит старик. На бегу он сдергивает треух и видно, какой он лысый; он тянет руки к

вагону, уже цепляется за что-то, но тут какая-то баба, перегнувшись через перекладину, схватила чайник и поливает ему лысину кипятком. Я вижу пар».

Врожденные особенности

Можно только гадать о том, насколько ранние страшные впечатления и то, что он до восьми лет рос без отца (А. И. Бродский служил в армии с 1941 по 1948 год), отразились на психике мальчика. Отношения с вернувшимся из армии отцом были неровные: Александр Иванович мог подолгу гулять с сыном, вести с ним серьезные беседы, иногда защищать от несправедливых школьных учителей, но мог в порыве гнева и схватиться за ремень. «Я плохо учился, и это очень раздражало отца, чего он никогда не скрывал. Родители столько ругали меня, что я получил закалку против такого рода воздействий».

Впоследствии в эссе «Полторы комнаты», в стихах «Дождь в августе» и «Памяти отца: Австралия» воспоминания о жизни с родителями окрасились в ностальгические тона, стали выстраиваться в поэтический миф собственного детства. Но молодому Иосифу казалось, что жизнь отца лишена духовного содержания. В неоконченном стихотворном

портрете отца, «Фотограф среди кораблей» («Из неопубликованного»), он описывает шестидесятилетнего мужчину, «чья речь уже давным-давно чуждается любых глубин душевных». Но этот фрагмент обозначает и перелом в отношениях с отцом, первую попытку повзрослевшего сына не бунтовать против отца, а понять его. Писал «фотографа» Бродский в кризисном шестьдесят четвертом году. Тогда Александр Иванович не только бросился на спасение сына, но и в некоем встречном душевном движении начал воспринимать его литературные занятия как нечто серьезное и заслуживающее уважения.

Стоит помнить, что отец обучил Иосифа своему ремеслу — фотографии. В житейском смысле это пригодилось мало. Ради заработка Бродский сделал пару фоторепортажей для ленинградских детских журналов, а потом пытался подрабатывать фотографией в ссылке. Но то, что его глаз натренирован видеоискателем «лейки», несомненно, чувствуется в стихах.

Вероятно, наследственные факторы сыграли свою роль в том, что Бродский был с детства, и в особенности в молодые годы, чрезмерно впечатлителен, часто не выдерживал конфликтных и даже просто повышенно эмоциональных житейских ситуаций — от переизбытка чувств мог вскочить и убежать из дому просто в разгар семейного праздника. Сам он простодушно говорил о таких моментах: «Психика садится».

Он был подвержен фобиям — в частности, боялся одиночества. Этот страх и внутренняя борьба с ним с большой силой самонаблюдения описаны в стихотворении «В горчичном лесу». Возмужав, он любил цитировать, слегка изменив, Акутагаву Рюноскэ: «У меня нет убеждений, у меня есть только нервы», — признавая за собой черты психотической (или, в терминологии психоанализа, «невротической») личности. Как известно, именно такой тип личности психологи считают связанным с артистическим дарованием. На окружающих в юности и, насколько можно судить по формальным школьным характеристикам, в детстве Иосиф «производил впечатление человека неуравновешенного и легко ранимого, как говорится, с тонкой кожей. Последнему впечатлению способствовал и его внешний облик: подобно

многим рыжеватым евреям-ашкенази, он был действительно «тонкокож», то есть капилляры были расположены очень неглубоко и от этого белокожее, с бледными веснушками лицо часто вспыхивало краской.

С годами он выработал навыки самодисциплины, проявлял завидное мужество перед лицом смертельной болезни, но и в молодые годы, в действительно критических ситуациях, как, например, на суде в 1964 году, он находил в себе ресурсы самообладания. Моральная стойкость в ответственные моменты и огромная работоспособность, способность доводить до конца и совершенства большие художественные проекты говорят о характере значительно более сложном, чем классический тип «неуравновешенного невротика».

Волевым выбором поведения он преодолевал биологическую предопределенность...

Если вам интересно узнать больше жизни Иосифа Бродского, обязательно посетите городские библиотеки и познакомьтесь с литературой об известном поэте.

Использованная литература:

1. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии / Лев Лосев. – 3-е изд., испр. – М.: молодая гвардия, 2008
2. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии / Л.В. Лосев. — 5-е изд. — М. : Молодая гвардия, 2011
3. Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996-2005) – СПб.: «Журнал «Звезда», 2006

Источник фото: umogin.livejournal.com, www.e-reading.club, lossofsoul.com, finbahn.com.